

Литературный клуб представляет...

Литературный клуб «Откровение», действующий в центральной модельной библиотеке, объединяет юргинских авторов – поэтов и писателей, для которых важно живое общение. Здесь можно всё: показать своё творчество, поделиться мнением и, возможно, выслушать критику. Люди раскрываются порой с самых необычных сторон, удивляя в хорошем смысле слова. «Откровение» – это своеобразный стол идей для творческой самореализации, за которым собираются уже именитые авторы, и присоединяются те, кто только начинает пробовать себя в творчестве. По сути, наш клуб сегодня – одна семья, и мы всегда рады пополнению.

Осенью этого года к нам присоединилась Тамара Михайловна Плотникова. Имея два высших образования (техническое и педагогическое), почти 40 лет проработала с детьми дошкольного возраста. Конечно же, первые её пробы пера предназначались детям: писала стихи и сказки для детей и про детей. Сказки в стихах «Бочка меда» и «Как медведь стал добрым» были опубликованы в 2014 году в альманахе «Истоки» (г. Уфа).

Сегодня Тамара Михайловна на заслуженном отдыхе и наконец-то нашла время поделиться своим творчеством с членами клуба «Откровение». В её копилке появились стихи о временах года, о маме, семье, солдатах СВО.

Тамара Михайловна – постоянный участник ежегодного городского конкурса «Поэзии чарующие строки» и неоднократный победитель его.

Надеемся, что и вас, уважаемые читатели, стихи Тамары Плотниковой не оставят равнодушными.

Е. ПОГАДАЕВА, руководитель литературного клуба «Откровение».

ЖЕНЩИНА – ОСЕНЬ

Шла женщина – Осень по мокрой тропинке,
Накинув свой праздничный, пышный наряд.
Сама хороша и стройна, как былинка,
С лукавой хитринкой сияющий взгляд.
Воздушное платье багряного шелка.
И золотом вышит красивый узор.
Из спелой пшеницы кудрявая челка.
И прибраны косы на ровный пробор.
Из мелких росинок жемчужного цвета,
Искрилось на шее кольцо в три ряда.
А в косах тугих, перевязанных лентой,
Гроздь красной рябины была вплетена
Ступала по лужам босыми ногами,
Прохладную влагу слегка бороздя.
На мокрых плечах поправляла руками
Воздушную шаль – паутинку дождя!
Шла женщина – Осень, листву рассыпая,
В лесу, на дорожках пушистым ковром.
А в небе над ней уж последняя стая
Прощалась, махая уставшим крылом.

ДЕВОЧКА – ЛЕТО

Девочка – лето бежит по дорожке,
С красной и спелой клубникой в лукошке,
В платье коротком зеленого цвета.
В русских косичках – атласная лента.
Девочка – лето от счастья смеется.
Всё ей под силу, всё удается:
Маме поможет пол в доме помыть,
Грядки полоть и цветы посадить.
Глаза голубые от счастья искрятся,
Алые губки привыкли смеяться.
В мяч поиграла, в лапту и горелки.
На кухне помыла чашки, тарелки.
Ласково солнце в небе смеется.
Девочка – лето к речке несется.
Вмиг побежали круги по реке.
Плещется девочка в теплой воде.
Всюду разносится радостный смех.
Девочка – лето имеет успех.
Ловко ногами, руками гребет.
И впереди всех подружек плывет.
Вот девочка – лето на самокате
Несется стремительно, мчится куда-то.
Ямка попала ей на пути,
Значит, без ссадин домой не прийти!

ЖЕНЩИНА – ЗИМУШКА

Холодно, ветрено зимней порой.
Лес переполнен ночной тишиной.
По лесу Зимушка бродит, не спит.
Снег под ногами чуть слышно скрипит.
Теплая шубка, по краю опушка,
Шапка соболя, а сверху пампушка.
Волос седой, ликующий взгляд.
Женщину радует новый наряд!
Медленно шествует мимо берез.
Вовсе не страшен ей сильный мороз.
Кистью взмахнет – и снег закружится,
Яркими искрами засеребрится.
Руку опустит – снег подчинится:
В вальсе закружит, под ноги ложится.
Столько сугробов вокруг намело,

Сколько тропинок в лесу занесло.
Сосны и ели, словно модели,
Белого цвета наряды надели.
Как в сказке волшебной, белый покой.
Нету у Зимушки краски другой!
И каждую ночь, обходя всю округу,
Женщина – Зимушка ходит по кругу.
Всюду порядок, уют наведет,
Льдом серебристым речки скуют.
Устанет от дел и неспешно в кровать
На пышно-воздушной перине поспать.
С улыбкой укроется снежным ковром,
Сладко зевнет и заснет крепким сном.

ДЕВИЦА – ВЕСНА

Вот и отшумели зимние метели.
Звонко зазвенели первые капли.
Прилетели птицы, на березку сели
И на всю округу разлетелись трели.
В гости к нам явилась девица – Весна.
Принесла нам много света и тепла.
Девица румяная – русая коса,
В длинном сарафане, и совсем боса.
Всюду, где наступит, вмиг растает снег
И тотчас появится цветик – первоцвет!
На деревьях и кустах уж набухли почки.
Распустились на ветвях первые листочки.
Звонкий быстрый ручеек
подо льдом проснулся.
Потянулся сладко-сладко, солнцу улынулся.
Из бумаги лодочки сделали ребята.
По воде пускают, пусть плывут куда-то!
И, насквозь весенним воздухом прогрета,
Расцвела природа разноцветным цветом.
Красна Девица – Весна счастьем наградила –
В яркие одежды мир принарядила.
Даже бабушки-старушки сняли свои валенки.
И на солнышке погреться
сели на завалинке.
И веселая компания беседа завела:
«Ах, какая нынче молодежь пошла!»
Тамара ПЛОТНИКОВА.

КОЛОБОК

Собравшись писать этот, давно задуманный «собаковый» рассказ, подумал: а сколько же всего их, четвероногих, разношерстных наших «младших братьев и сестёр» у нас перебивало за прошедшие годы? И взрослых дворняг, и дворняжьего потомства, которое мы старались передать в неслучайные руки... Вот они: Пушок-первый, Пушок-второй. Белка. Колобок-первый, Колобок-второй (на две семьи). Тузик. Дуня... А ещё Дунины щенята разных помётов: Рыжуха, Ночка, Шнурок, Минюшка, Джульета... Собаки щенята жили в нашей городской квартире месяцами. Взрослые собаки по несколько лет. А самая последняя собака – чёрно-белого окраса малорослая Дуня тринадцать лет! И всех их – и щенков, и взрослых собак мы любили и считали членами своей небольшой человеческой семьи. И расставались с большой печалью.

Но, как мы поняли позже, собаку мало только любить, нужно заботиться о её содержании не меньше, чем о человеке.

Так вот, самой первой нашей собакой был Пушок, которого сын-школьник то ли где-то подобрал щенком, то ли подарили друзья. Заводить собаку мы тогда не собирались, памятуя о том, где мы живём. Городская квартира всё же не частный дом, где есть двор и где можно соорудить собачий домик. Но к домашним животным относились нормально. «Вот если бы жили в деревне, – говорил жене, – обязательно завёл бы охотничью собаку...». К тому же однажды – с подачи товарища по работе, члена общества охотников – обзавёлся ружьём...

– Слушай, а давай не будем обижать сына, – высказал пришедшую в голову мысль супруге, – когда Пушок подрастёт, переселим его из квартиры в подвал. Будем к нему ходить в гости, носить еду!

Но... как-то приходим, а Пушок в яме, которую он вырыл возле двери стайки. Следы его когтей виднелись на тёмных дверных досках...

– Нет, – сказал я. – Это не по-человечески. Это жестоко: заставить собаку, живое существо круглосуточно находиться в одиночестве, в тёмном холодном подвале. Ведь собака не свинья. Да и в свинарниках, я видел, есть хоть маленькие окошки...

В общем, осудили свою взрослую безалаберность, забрали Пушка из подвала и стали отпускать на улицу. Летом (в те годы двери подъезда были ещё открыты настежь!), когда Пушок возвращался с прогулки, он садился у двери своей квартиры и терпеливо ждал: то ли мы выйдем и впустим его, то ли кто-то из соседей, проходя мимо, стукнет в дверь, давая знать, что наш пёсик пришёл домой!

Но собачья свобода в городе коварнее джунглей. Это мы поняли потом, когда потеряли двух первых собак, о чём горько сожалеем и за что виним себя до сих пор. Об одной из них хочу рассказать подробнее.

Откуда он взялся, этот пёсик, не помню. Зато на всю жизнь запомнилась забавная картинка из его собачьего младенчества.

В те годы у нас, как и у многих горожан, был свой маленький загородный сад и огород – с кирпичным домиком, возведённым собственными руками, с добротным погребом и даже бетонной площадкой для стоянки автомобиля «Запорожец». Так что летом всё свободное от основной городской работы время мы с удовольствием всей семьёй обитали на лоне природы.

В домике поддерживалась «городская» чистота. Разувались на веранде.

Как-то в летнее утро открыл дверь, чтобы сходить в уборную, и удивился: в моей большой резиновой калоше лежит белый пушистый клубок! Подошёл, потрогал... Да это же наш щенок, только вчера привезённый из города! Калоша оказалась для него уютнее картонной коробки с меховой подстилкой.

А «клубок» напомнил Колобка из сказки. Показал щенка в калоше проснувшимся жене и дочери, и без долгих споров тут же решили, как его будем звать: «Колобок»!

У Колобка оказался мягкий, совершенно не агрессивный характер. Он был уже взрослым псом, когда в дом принесли котёнка, рано отлучённого от матери-кошки. И мы не раз становились свидетелями забавной картины. Котёнок подходил к Колобку и тыкался мордочкой в его брюшко, пытаясь поймать маленький собачий сосок. И тогда Колобок, словно изображая кормящую кошку, ложился на бок, растягивался во всю длину, позволяя кош-

ке-крошке ощутить «кошачье материнство».

Соседи по садовому участку любили Колобка и старались его угостить чем-либо вкусным, а он отвечал им взаимностью, провожая их домой, к автобусной остановке.

Но, добрый характером, Колобок мог и постоять за хозяев. Как-то ночью – уже в городе – он попросился во двор. Но едва супруга вышла с ним из подъезда, на неё набросился какой-то пьяный. И вот тут малорослый Колобок проявил себя бесстрашным бойцом. Он тут же вцепился зубами в ногу напавшего и гнал его до соседнего двора!

А ещё Колобок пел! Конечно, по-своему, по-собачьи. Открылся этот его дар случайно. На какие-то домашние посиделки пришли гости с баням.

Колобок оказался рядом – как-никак, член семьи, которому позволялось многое. Как обычно в весёлой компании, говорили, шутили, смеялись, пели.

Колобок сидел молча, словно прислушиваясь к говору и смеху. Но вот гость заиграл медленный вальс. И вдруг на каком-то «переходе» с высокой нотой Колобок приподнял голову и стал подвывать – протяжно, словно тоскуя о чём-то... Мы, конечно, смеялись, подбадривая неожиданного четвероногого «солиста». Ведь каждый день такое не услышишь! А то, что у него был «абсолютный слух», он подтверждал тем, что мог безошибочно определить звук мотора нашего «Запорожца». Бывало, супруга с Колобком на участке, я еду из города, а наш «колобышка», как я его ласково называл, выскакивал из ограды, встречая меня радостным лаем.

«Ты смотри, – удивлялась жена, – сегодня выходной, машины идут и идут мимо, а ему хоть бы что! Сидел в конуре, пока твой мотор не затарахтел...».

Как-то супруга по примеру сестры решила выращивать кур-бройлеров. Вдоль нашего участка, ещё до приведения его в «садово-огородный профиль», проходил ложок. И в одном месте, между грядкой и кустов смородины мы оборудовали маленький курятник. Купили курочек, и одна из них – то ли проглядели при покупке, то ли повредили при дальней перевозке – оказалась хромоножкой, и на сделанный

ночной куриный насест самостоятельно могла забраться с трудом, лишь после нескольких неудачных подскоков. Колобок это заметил, и надо было видеть, как он пытался ей помочь, бережно берясь зубами за её крылышко! А ещё Колобок, заметив, как недружелюбно относятся к сестре-инвалидке другие курицы, стал её опекать. Страдая от враждебности сородичей, которые норовили её клонуть, едва та приближалась к стае, «хромоножка» садилась на мой «тяжеловесный» деревянный помост, где лежала самодельная штанга, а Колобок ложился рядом, зорко наблюдая поведение куриной стаи. Если какая-либо озорница подходила слишком близко, Колобок вскакивал, показывая своим строгим видом, что обижать свою подопечную он не позволит...

Вспоминается и такой случай, когда Колобка спасали мы от верной и нелепой гибели. Случился у него обыкновенный запор кишечника. Как у людей. Он вдруг стал отказываться есть и пить. Проходит день, другой, а он не идёт на поправку – вялый, невеселый, лежит, страдальчески смотрит нам в глаза. Даже про кур забыл. Будь он человеком, он бы сказал, что его мучит. Но Колобок, хоть и умница, всё-таки был собакой. Когда жена ощупала его живот, то на выходе из прямой кишки обнаружила большую твёрдую шишку.

Тут же посадила его в таз с тёплой водой и, не брезгуя, отмачивала его задний проход до тех пор, пока не освободила кишечник. А Колобок, благодарный, повеселевший, тут же побежал в сторону курятника, к своей подшефной «хромоношке»...

Говорить лишний раз о собачьей привязанности, преданности хозяину как-то неловко, потому что это общеизвестно. Колобок всегда провожал меня на работу. Я тогда ещё работал в редакции райгазеты. От дома недалеко – перейти две улицы и длинный двор. Кабинет на верхнем этаже двухэтажного здания. На второй этаж ведёт с улицы пожарная железная лестница. Вот я уже наверху, на лестничной площадке. А Колобок всё ещё терпеливо стоит внизу, ждёт, когда я ему крикну сверху привычное, указующее:

– Колобок! Иди домой. Домой!...

Виктор ЧУРИЛОВ.